

ственное число («Се повѣсти времяньныхъ лѣт...»), а в тексте — единственное («Се начнемъ повѣсть сию»). Но «Повесть временныхъ лет» — произведение многоплановое, включающее много повестей и рассказов. Поэтому, говоря обо всем произведении, можно было употребить множественное число, а в каждом конкретном случае в самом тексте употребить единственное. В «Слове о полку Игореве» нет летописной многоплановости, все произведение посвящено одному событию — походу Игоря на половцев со всеми его последствиями, поэтому здесь естественно говорить только в единственном числе.

Таким образом, «повѣстий» в «Слове» является определением к «словесы»: начать старыми словами трудных повестей.

Сторонники такого прочтения В. Ф. Ржиги и С. К. Шамбинаго в комментариях к разбираемой фразе замечают: «...очевидно, что либо „начати“ скрывает в себе понятие „петь“, либо здесь пропущено слово „пѣснь“».¹ Не видим здесь ни пропуска, ни иного значения слова «начать», кроме того, которое оно заключает в себе обычно. Именно как *начать*, каково будет вступление, *начало*, подобное ли вступлениям старых «трудных повестей», вступлениям песен Бояна или отличное от них, — вот о чем говорит здесь автор.

Действительно, непосредственным началом самого повествования о походе Игоря является рассказ о сборах в поход, включающий рассказ о дурных предзнаменованиях и начинающийся с солнечного затмения. Весь этот кусок проникнут тревогою за судьбу героев. Мужественная и решительная речь Игоря только усиливает эту тревогу, так как читатель и слушатель уже успевают проникнуться уважением к отважному князю. Большое композиционное значение имеют здесь слова Игоря: «Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти».

Эти слова как бы готовят будущую трагедию: в дальнейшем с Игорем случилось именно то, что было для него хуже смерти.

Тревожное начало как нельзя лучше соответствует печальному рассказу о походе Игоря и его поражении.

Трагически-тревожное, мрачное начало рассказа о походе Игоря автор противопоставляет возвышенно-торжественным, восторженным, мажорным запевкам Бояна, которыми тот начинал свои песни:

Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, —
галици стады бѣжать къ Дону великому;

или

Комони ржуть за Сулою, — звенить слава въ Киевѣ.

Эти радостно-торжественные бояновы запевки, противопоставленные мрачному и тревожному началу о походе Игоря, т. е. началу собственно авторского повествования, создают огромной силы трагический контраст, который как раз и имел в виду автор, противопоставляя себя Бояну в самых первых строках своего произведения.

Он, автор «Слова», тоже хотел бы начать свою повесть «старыми словесы», радостно и торжественно, как Боян, но сама жизнь, действительность, «былины сего времени» заставляют его петь иначе.

Сказав, что его песня начнется «не по замыслению Бояну», а «по былинам сего времени», автор далее указывает на причины различия, говорит, почему «Слово о полку Игореве» не может начаться так, как начинались песни Бояна: «Боянь бо (ибо) вѣщый, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по

¹ Слово о полку Игореве. Под ред. С. Шамбинаго и В. Ржиги, стр. 143.